

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-89-98

О. Ю. Юрьева¹*Иркутский государственный университет*

СТРУКТУРООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ МОТИВА ПОЕДИНКА В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

В статье рассматривается мотив поединка как структурообразующий фактор в характере героини романа Грушеньки Светловой, которая строит свои взаимоотношения с миром и людьми по модели поединка. Мотив поединка определяет как модус поведения героини, так и сущность ее характера.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, роман «Братья Карамазовы», мотив, характер, конфликт, поведенческий модус.

Olga Yu. Yureva*Irkutsk State University*

THE STRUCTURE-FORMING ROLE OF THE MOTIVE OF THE DUEL IN THE IMAGE OF GRUSHENKA SVETLOVA IN THE NOVEL BY F. M. DOSTOEVSKY «THE BROTHERS KARAMAZOV»

The article considers the motive of the duel as a structure-forming factor in the character of the heroine of the novel Grushenka Svetlova, who builds her relationships with the world and people according to the model of the duel. The motive of the duel determines both the mode of behavior of the heroine and the essence of her character.

Keywords: F. M. Dostoevsky, the novel “The Brothers Karamazov”, motive, character, conflict, behavioral mode.

В творчестве Достоевского довольно много женских образов, поведенческий модус которых строится как сугубо конфликтный, хотя все женщины в романах писателя вступают в борьбу: за свою честь, за свою любовь, за семью, родственников, мстят за обиды и унижения.

Женский вариант поединка, будь то схема «женщина-мужчина» или «женщина-женщина», строится по модели, отличной от «мужской». Иными являются и побудительные мотивы к конфликту, и поведение в нем, и переживание последствий. В основе «мужского» варианта – рациональное начало, нарушение интересов, идеологические разногласия. В основе «женского» – эмоции,

¹ Ольга Юрьевна Юрьева – доктор филологических наук, зав. кафедрой филологии и методики ПИ ИГУ (Иркутск), член Международного и Российского общества Ф. М. Достоевского, yuolyu@yandex.ru.

возникающие на почве личной неприязни – ревности, ненависти, презрения. Развитие конфликта в «женском» варианте всегда идет по нарастающей – или к апогею – полному разрыву, или к перигею (как правило, через апогей) – к примирению и прощению. Второй вариант – сугубо женский.

«Мужская» модель поединка губительная для женщины. Мужчина в конфликте проявляется как личность, а зачастую и исчерпывается этим. Женщина в конфликте настолько иррациональна, что, если судить о ней по ее поведению и реализации в конфликте, возникает сомнение в ее умственной и психической полноценности. Феномен женской сущности у Достоевского в том и проявляется, что она не раскрывается в конфликте, ее глубины и тайны конфликтом скорее камуфлируются, нежели в нем реализуются. В отличие от мужчины, женщина в конфликте не обретает, а теряет свое истинное лицо. В этом – глубокий смысл: женщина раскрывается в отсутствии конфликта. Скандал, надрыв, истерика как внешние проявления конфликта для женщины зачастую разрушительны.

Сущность женского варианта поединка с кем-либо и чем-либо – в отсутствии целеполагания. Идя на конфликт, женщина плохо представляет, чем он для нее закончится, да это для нее и не важно. Важно – начать, а потом, сообразуясь с тем, что ответит противная сторона, отвечать так, как подскажет сердце и чувство.

И главное – конфликт женщиной строится по образу и подобию ее внутреннего состояния, то есть **внутренний конфликт экстраполируется во внешний мир**², и вовлекаются в него все, кто в той или иной степени повинен в душевных страданиях героини.

Очень показательным в этом плане поведение героини «Братьев Карамазовых» Грушеньки Светловой.

В первой же характеристике Грушеньки кроется главное свойство ее натуры – двойственность. Причем можно даже зрительно представить, как произошло это достоевское формирование «человека в человеке». За четыре года до происходящих в романе событий Грушенька – восемнадцатилетняя *«робкая, застенчивая, тоненькая, худенькая, задумчивая и грустная»* девочка из «честного» семейства *«какого-то заштатного диакона»: «И вот в четыре года из чувствительной, обиженной и жалкой сироточки вышла румяная, полнотелая русская красавица, женщина с характером смелым и решительным, гордая и наглая, понимавшая толк в деньгах, приобретательница, скупая и осторожная, правдами иль неправдами, но уже успевшая, как говорили про нее, сколотить свой собственный капитал»* (т. 14, с. 310–311). Все изменилось кардинально, все величины поменялись на прямо противоположные: робкая – наглая, застенчивая – решительная, задумчивая и грустная – гордая и наглая, тоненькая – полная. *«Тоненькая, глупенькая»* девочка превратилась в *«злую собаку»*, которая *«рада весь свет проглотить»* (т. 14, с. 320).

² Здесь и далее выделено нами. – О.Ю.

Округлость, полнота, красота внешних форм Грушеньки – отражение глубинных основ ее души. Но за этой округлой полнотой скрылась и «обиженная и жалкая сироточка», жаждущая мести и реванша. Суть таких внешних кардинальных перемен в том и состоит, что Грушенька не стала другой, она именно спряталась, затаилась, начала играть роль, и этим объясняются все ее поступки и конфликты. Грушенька признается: *«Так вот нет же, никто того не видит и не знает во всей вселенной, а как сойдет мрак ночной, всё так же как и девчонкой, пять лет тому, лежу иной раз, скрежещу зубами и всю ночь плачу: “Уж я ж ему, да уж я ж ему”, думаю!»* (т. 14, с. 320). «ОН» долго не имел имени, и в этом кроется особый смысл. «ОН» – это Мужчина, обидевший и унизивший Женщину.

Ту, глубоко спрятанную от всех суть, Грушеньки разгадал Алеша: *«Эта душа еще не примиренная, надо щадить ее... в душе этой может быть сокровище...»* (т. 14, с. 321).

Внешняя канва жизни Грушеньки тоже противоречива. Дурная в глазах обывателя репутация Грушеньки не соответствует ее истинной сути: *«... к Грушеньке доступ труден»* и *«... кроме старика, ее покровителя, не было ни единого еще человека, во все четыре года, который бы мог похвалиться ее благосклонностью»* (т. 14, с. 311).

В отличие от Настасьи Филипповны, Грушенька не противостоит всему миру. С ним она выстроила вполне выгодные для себя отношения. Эта «молодая особа», как оказалось, обладает *«чрезвычайными способностями»*, за что многие прозвали ее *«сущую жидовкой»*. Вместе с Федором Павловичем она скупала векселя за бесценок, *«по гривеннику за рубль, а потом приобрела на иных их этих векселей по рублю за гривенник»* (т. 14, с. 311), сколотив неплохой капитал.

Но наслаждаться богатством, мужским вниманием, радоваться жизни Грушенька не может, так как ее снедает жажда мести, рождающая злость, но не на весь мир, а на тех, кого она почитает виновным в своей злости – мужчин. Их-то она и готова *«проглотить»*. В том числе и *«херувима»* Алешу: *«Но на тебя глядя, положила: его проглочу, – признается она Алеше. – Проглочу и смеяться буду. Видишь, какая я злая собака, которую ты сестрой своею назвал!»* (т. 14, с. 320). Поэтому ее в этом мире ничто не удерживает – ни деньги, ни любовь, она действительно способна в своей «неистовости» и «ярости» сорвать свой наряд, изувечить себя, свою красоту, обжечь себе лицо и разрезать ножом, пойти милостыню просить, как она заявляет Алеше.

В поступках Грушеньки постоянно ощущается конфликт «внутреннего» и «внешнего» человека.

«Простить мне его или нет? – спрашивает Грушенька Алешу.

– Да ведь уж простила, – улыбаясь проговорил Алеша.

– А и впрямь простила, – вдумчиво произнесла Грушенька. – Экое ведь подлое сердце! За подлое сердце мое! – схватила она вдруг со стола бокал, разом вытила, подняла его и с розмаха бросила на пол. Бокал разбился и зазвенел. Какая-то жестокая черточка мелькнула в ее улыбке.

– *А ведь может еще и не простила, – как-то грозно проговорила она, опустив глаза в землю, как будто одна сама с собой говорила. – Может еще только собирается сердце простить*» (т. 14, с. 322).

Но со своим сердцем, то есть с той, внутренней стороной личности, воплощенной в тоненькой робкой девочке, она смириться не хочет: *«Поборюсь еще с сердцем-то»*, – заявляет она, не желая простить пять лет мучений и унижений. Этот поединок с «сердцем», поединок внутреннего и внешнего человека, определяет все взаимоотношения Грушеньки: и с Дмитрием, и с Алешей, и с Федором Павловичем, и со всеми другими. Единственный человек, с кем ее отношения всегда были снисходительно-ровными – Ракитин (что требует особого осмысления).

«Эта женщина – зверь» – говорит Иван Карамазов. *«Ужасная женщина»*, – думает впервые увидевший ее Алеша. *«Тигр», «царица наглости», «царица всех inferнальниц, каких можно только вообразить на свете!»* – с восторгом говорит о ней Дмитрий. *«Эта девушка – это ангел»*, – восклицает восторженная Катерина Ивановна, чтобы через несколько минут кричать в исступлении: *«наглая», «мерзавка», «продажная тварь»*.

Даже в красоте Грушеньки скрывается нечто двойственное: *«Знаюки русской женской красоты могли бы безошибочно предсказать, глядя на Грушеньку, что эта свежая, еще юношеская красота к тридцати годам потеряет гармонию, расплывется, самое лицо обрюзгнет, около глаз и на лбу чрезвычайно быстро появятся морщиночки, цвет лица огрубеет, побагровеет может быть, – одним словом, красота на мгновение, красота летучая, которая так часто встречается именно у русской женщины»* (т. 14, с. 137). Вообще, Достоевский настойчиво подчеркивает русскость Грушеньки: *«полнотелая русская красавица»* (т. 14, с. 311). Наверное, именно в этом кроется желание писателя во что бы то ни стало «направить» Грушеньку на путь духовного просветления, спасения. В этой переменчивости, пророчествующей о скорой потере Грушенькой своей красоты, тоже кроется особый смысл. Достоевский писал: *«Женский вопрос³. В природе все рассчитано на нормальность, все рассчитано на святого и на безгрешного. (Мужчине 30 лет и женщине 30). Красота дается женщине вначале, чтоб привязывать мужчину, ибо нравственная связь еще слаба. Потом и не надо уж красоты, любят женщину, потому что сживутся душами (органическое соединение)»* (т. 27, с. 49). Красивая оболочка не нужна женщине, если мир внутренний уравновешен, если в нем все выстроено и определено законами любви и сострадания, терпения и милосердия.

Поединок с Катериной Ивановной, начавшийся заочно, Грушенька выстраивает, как режиссер выстраивает спектакль, с одной поправкой – сценария нет, есть «идея спектакля», определяющая все действие как поединок, а на сцене идет сплошная импровизация. Грушенька – и режиссер, и актриса, а главным зрителем назначен Алеша: *«Я это для тебя, Алешинька, сцену проделала. Проводи, голубчик, после понравится»* (т. 14, с. 140). *«Нежным», «несколько слащавым»* голосом Грушенька говорила с очарованной ею Катериной Ивановной, и Алеша

³ Выделено автором – Достоевским. – Прим. редактора.

сразу уловил «театрализованную» фальшь ее интонаций: «Зачем это она так тянет слова и не может говорить натурально?» – недоумевает он. – «Она делала это очевидно находя в этом растягивании и в усиленно-слащавом оттенении слогов и звуков красоту. Это была конечно лишь дурная привычка дурного тона, свидетельствующая о низком воспитании, о пошло усвоенном с детства понимании приличного. И однако же этот выговор и интонация слов представлялись Алеше почти невозможным каким-то противоречием этому детски-простодушному и радостному выражению лица, этому тихому, счастливому, как у младенца сиянию глаз! Катерина Ивановна мигом усадила ее в кресло против Алеши и с восторгом поцеловала ее несколько раз в ее смеющиеся губки. Она точно была влюблена в нее» (т. 14, с. 137). В порыве восторженных чувств Катерина Ивановна целует руки Грушеньке, радуясь, что та отпустит Дмитрия. «Вы вразумите его, вы откроете ему, что любите другого, давно, и который теперь вам руку свою предлагает...» – уверена Катерина Ивановна. «Вы обещали...» – почти умоляет она. Но из-под маски ангела появляется дьявол: «Ах нет, ангел-барышня, ничего я вам не обещала, – тихо и ровно всё с тем же веселым и невинным выражением перебила Грушенька. – Вот и видно сейчас, достойная барышня, какая я пред вами скверная и самовластная. Мне что захочется, так я так и поступлю. Давеча я может вам и пообещала что, а вот сейчас опять думаю: вдруг он опять мне понравится, Митя-то, – раз уж мне ведь он очень понравился, целый час почти даже нравился. Вот я может быть пойду да и скажу ему сейчас, чтоб он у меня с сего же дня остался... Вот я какая непостоянная...» (т. 14, с. 139).

Кульминацией спектакля-поединка становится сцена, когда Грушенька берет руку Катерины Ивановны, чтобы «сквитаться» поцелуями и «рабски угодить». И в мгновение раба превращается в госпожу, у которой недавно рабыня руки целовала: «А знаете что, ангел-барышня, – вдруг протянула она самым уже нежным и слащавейшим голоском, – знаете что, возьму я да вашу ручку и не поцелую. – И она засмеялась маленьким развеселым смешком.

– Как хотите... Что с вами? – вздрогнула вдруг Катерина Ивановна.

– А так и оставайтесь с тем на память, что вы-то у меня ручку целовали, а я у вас нет. – Что-то сверкнуло вдруг в ее глазах. Она ужасно пристально глядела на Катерину Ивановну» (т. 14, с. 138–140).

Грушенька не позволила Катерине Ивановне осуществить задуманное: «Завала меня, победить хотела, шоколатом своим обольстить... Нет, оно хорошо, что так произошло, – усмехнулась она опять» (т. 14, с. 316). Причем она не обманывала Катерину Ивановну, всячески демонстрируя, что играет роль и предлагая ей играть свою: говорила нежным и слащавым голоском, тянула слова, говорила ненатурально, явно демонстрируя «дурную привычку дурного тона» (т. 14, с. 137), и подчеркивая театральность, неестественность созданной ею и Катериной Ивановной ситуации. В этой сцене переплетаются трагическое ощущение нелепости происходящего, тот «надрыв», который граничит с шутством [Бэлнеп, 1997, с. 58].

Она даже предупреждает Катерину Ивановну: *«Очень уж вы защищаете меня, милая барышня, очень уж вы во всем поспешаете, – протянула опять Грушенька; «Да вы-то меня может тоже не так совсем понимаете, милая барышня, я может гораздо дурнее того чем у вас на виду»* (т. 14, с. 138). Но Катерина Ивановна не слышит: она слишком хочет верить Грушеньке, слишком хочет быть обманутой, подсознательно желая и подкупить, и уязвить Грушеньку своим великодушием.

Уже в кульминации устроенного Грушенькой спектакля, когда гостья поднесла к губам руку Катерины Ивановны, та *«не отняла руки: она с робкой надеждой выслушала последнее, хотя тоже очень странно выраженное обещание Грушеньки „рабски“ угодить ей; она напряженно смотрела ей в глаза: она видела в этих глазах всё то же простодушное, доверчивое выражение, всё ту же ясную веселость... „Она может быть слишком наивна!“ промелькнуло надеждой в сердце Катерины Ивановны»* (т. 14, с. 139).

Как верно отметила Н. А. Макаричева, «ничего подобного по переменчивости женских душевных состояний под влиянием чувств к мужчинам Достоевский в предыдущих произведениях не изображал [Макаричева, 2019, с. 269]. Свидетель *«злой и коварной выходки»* Грушеньки против Катерины Ивановны, зритель этого спектакля Алеша был поражен, увидев назавтра в Грушеньке совершенно другого человека, *«совсем как бы иное и неожиданное существо»* (т. 14, с. 315); *«Глаза ее горели, губы смеялись, но добродушно, весело смеялись», «не было этой вчерашней слащавости в выговоре почти вовсе, этих изнеженных и манерных движений... всё было просто, простодушно, движения ее были скорые, прямые, доверчивые»* (т. 14, с. 315). Исчезла актриса, появился человек.

Но та же *«жестокая черточка мелькнула вдруг в ее усмешке»*, когда она заговорила о произошедшем. И оценила она все очень точно, и эту оценку можно распространить на все ее поступки, совершаемые в конфликтных ситуациях: *«И дурно оно было и хорошо оно было»* (т. 14, с. 316). Понятно, что дурно, но что – хорошо? Это «хорошо» оправдывается и проясняется лишь в конце романа, когда Катерина Ивановна, поддавшись чувству мести, оговаривает Дмитрия и отправляет его на каторгу. И кто знает эти потемки женской души – не было ли в этом поступке отголосков того унижения, которое перенесла Катерина Ивановна по вине Грушеньки и Дмитрия? Так вновь и вновь оправдывается любимая идея Достоевского общей вины и ответственности, «круговой» поруки, которой связаны на земле все люди. Поединок Грушеньки и Катерины Ивановны идет с открытым финалом и открытым «счетом».

Узнавший об этом конфликте Дмитрий удивился, насколько противоречил поступок Грушеньки её недавней реакции на рассказ Дмитрия о Катерине Ивановне: *«Но ведь я рыдал, рыдал тогда сам, я стоял на коленках, я молился на образ Кати, и Грушенька это понимала. Она тогда всё поняла, я припоминаю, она сама плакала... А чорт! Да могло ли иначе быть теперь? Тогда плакала, а теперь... Теперь „кинжал в сердце“!»* И еще более примечателен окончательный вывод Дмитрия о сугубо женской природе конфликта: *«Так у баб»* (т. 14, с. 143).

Истинная причина конфликта и устроенного Грушенькой скандала проста: *«Это был характер гордый, не выносящий презрения, один из таких, которые, чуть лишь заподозрят от кого презрение – тотчас воспаляются гневом и жаждой отпора»* (т. 15, с. 113).

На эту «супротивность» характера Грушеньки уповает и Федор Павлович: *«Засади я его, подлеца, она услышит, что я его засадил, и тотчас к нему побежит. А услышит если сегодня, что тот меня до полусмерти, слабого старика, избил, так пожалуй бросит его, да ко мне придет навесить... Вот ведь мы какими характерами одарены – только чтобы насупротив делать. Я ее насквозь знаю!»* (т. 14, с. 157–158).

Взбунтовавшийся и потому жаждущий погибели Алеша признается: *«Я шел сюда злую душу найти – так влекло меня самого к тому, потому что я был подл и зол, а нашел сестру искреннюю, нашел сокровище – душу любящую...»* (т. 14, с. 318). *«Ты мою душу сейчас восстановила»* (в Черновиках: *«Ты меня к Богу обратила»*, т. 15, с. 255), – обращается он к Аграфене Александровне, признавая тем самым, что открытая в Грушеньке внутренняя скрытая сущность спасительна не только для нее, но и для всех, кто жаждет спасения. Г. К. Щенников отмечает, что Грушенька – «одно время истовая сладострастница, хотя вовсе не чувственница, не распутница. Она мечтает соблазнить и проглотить послушника Алешу Карамазова. <...> Здесь к мотиву жестокости прибавляется еще желание профанации: развратить целомудренного юношу и зло посмеяться над его чистотой» [Щенников, 2001, с. 173]. Именно Грушенька должна была стать причиной и «средством» окончательной гибели Алеши. Как замечает Достоевский в черновиках к роману, Алешу *«укусило накануне сладострастие к Грушеньке»*, что окончательно убедило его в принадлежности к карамазовской породе. Но Грушенька *«луковку подала»* (т. 15, с. 397). Не зря ведь ее фамилия – Светлова.

Исход поединка с Алешей был, таким образом, предрешен, но именно в нем выразилась истинная сущность природы и Грушеньки, и Алеши. Жаждущие окончательно погибнуть и погубить, они спасаются друг другом. Вот почему Ракитин стоял и *«удивлялся на них: почему все так необыкновенно между ними»*, как записывает в черновиках Достоевский (т. 15, с. 257).

Любовь Грушеньки столь же двойственна и противоречива, а потому тоже строится как «двойной» поединок – и с собой, и с любовником-противником. Ожидая приезда поляка-офицера, бросившего ее пять лет тому назад, и все эти годы страстно и глубоко переживая это и мечтая о встрече, Грушенька признается: *«Я, видишь, Алеша, слезы мои пятилетние страх полюбила... Я может только обиду мою и полюбила, а не его вовсе!»* (т. 14, с. 322).

Ощущая себя *«собачонкой»*, послушно ползущей к позвавшему ее господину, она в то же время грозит: *«нож с собой возьму»*, собираясь в «новую жизнь» лететь, с восторгом сознает: *«Может на смерть иду! Ух! Словно пьяная!»* (т. 14, с. 324).

Любовь Грушеньки всегда неоднозначна. В черновиках Достоевский записывает слова Грушеньки: *«Я люблю его душой, вот что. Верись, Алеша, что я люблю тебя, вот что. И не то чтоб позорно как, а как ангела какого люблю»*. Об офицере в Мокром: *«Я того вовсе не так люблю»* (т. 15, с. 259).

В чувствах к Мите ярче всего проявилась не только двойственность характера Грушеньки, но и сущность ее взаимоотношений с мужчинами, строящаяся по модели поединка: *«Грушенька хоть и любила его часочек истинно и искренно, это правда, но и мучила же его в то же время иной раз действительно жестоко и беспощадно. Главное в том, что ничего-то он не мог разгадать из ее намерений; выманить же лаской или силой не было тоже возможности: не далась бы ни за что, а только бы рассердилась и отвернулась от него вовсе, это он ясно тогда понимал. Он подозревал тогда весьма верно, что она и сама находится в какой-то борьбе, в какой-то необычайной нерешительности, на что-то решается и всё решиться не может, а потому и не без основания предполагал, замирая сердцем, что минутами она должна была просто ненавидеть его с его страстью»* (т. 14, с. 329). Тем не менее, Митя поднимает тост за Грушеньку как *«за одну царицу из цариц»* (14, с. 366), возводя Грушеньку на такую высоту, «какую только может вообразить иступление любовного чувства, лишенного в тот момент всякой корысти, inferнального томления и «нагибов»» [Ветловская, 2007, с. 375].

Все здесь двоится, все «придвинуто к краю»: любила истинно и искренно и мучила жестоко и беспощадно; любит и ненавидит. Причина – в той внутренней борьбе, которая происходит в ее душе.

Осознать истинность своей любви к Дмитрию Грушенька смогла лишь тогда, когда окончательно освободилась от любви-ненависти к поляку: *«Вошел давеча один сокол, так сердце и упало во мне. «Дура ты, вот ведь кого ты любишь», – так сразу и шепнуло сердце. Вошел ты и всё осветил»* (т. 14, с. 396).

Любовь превращает мстительную, постоянно готовую к отпору Грушеньку в великодушную, любящую весь мир и самое себя в этой любви: *«Кабы богом была, всех бы людей простила: „милые мои грешнички, с этого дня прощаю всех“. А я пойду прощения просить: „Простите, добрые люди, бабу глупую, вот что“. Зверь я, вот что. А молиться хочу. Я луковку подала. Злодейке такой как я молиться хочется! Митя, пусть пляшут, не мешай. Все люди на свете хороши, все до единого. Хорошо на свете. Хоть и скверные мы, а хорошо на свете. Скверные мы и хорошие, и скверные и хорошие... Нет, скажите, и вас спрошу, все подойдите, и я спрошу: скажите вы мне все вот что: почему я такая хорошая? Я ведь хорошая, я очень хорошая... Ну так вот: почему я такая хорошая?»* (т. 14, с. 397).

В любви Грушеньки слиты воедино жажда счастья, жажда прощения и жажда страдания и сострадания. Арест и обвинения в адрес Дмитрия произвели на Грушеньку ужасающее впечатление. Осознавая собственную вину в произошедшем, она в иступлении кричит: *«Это я, я окаянная, я виновата! – прокричала она раздирающим душу воплем, вся в слезах, простирая ко всем руки, – это из-за меня он убил!.. Это я его измучила и до того довела! Я и того*

старичка-покойничка бедного измучила, со злобы моей, и до того довела! Я виноватая, я первая, я главная, я виноватая! <...> Вместе судите нас! – продолжала иступленно восклицать Грушенька, всё еще на коленях. – Вместе казните нас, пойду с ним теперь хоть на смертную казнь!» (т. 14, с. 412).

Как это часто происходит с героями Достоевского, путь к полному нравственному обновлению и воскрешению проходит у них через тяжелую болезнь, через испытания и страдания. Перемены произошли и во внешнем облике Грушеньки. Всех поразил *«строгий вид ее, прямой и серьезный взгляд и спокойная манера»*, даже в поведении ее стали преобладать *«манеры как у самого высшего общества»*. Но это не было перерождение личности, это было возвращение человека к самому себе. Как полагает Б. Н. Тарасов, в связи с этими переменами в Грушеньке, изменился и характер любви Дмитрия к ней: *«Освобождаясь от замкнутости в собственных интересах после глубокого внутреннего переворота и соответственно переставая видеть в окружающем лишь точку приложения своей страсти, Митя и в любви к Груше ощутил просветление, ослабление инстинкта обладания»* [Тарасов, 2007, с. 745], он *«становится доверчив и благороден»* (т. 14, с. 344).

Алеша стал для Грушеньки нравственным мерилom, и присутствие такого мерила говорит о том, что та, юная, «внутренняя» сторона ее души жаждала воплощения: *«Веришь ли, иной раз, право, Алеша, смотрю на тебя и стыжусь, всё себя стыжусь...»* (т. 14, с. 317).

Неслучайно именно в уста Алеши вкладывал Достоевский глубокие и прозорливые суждения об истоках драмы Грушеньки, сформулированные им в черновиках: *«Ты была натолкнута с детства. Тебя не пощадил»* (т. 15, с. 256), кто-то просто прошел мимо, а ведь *«Все один за другого виноваты»* (т. 15, с. 260). *«Я развратная»*, – говорит Грушенька. *«Нет, пройдут годы – найдешь и свое сердце»* (т. 15, с. 260). Свое «потерянное сердце» Грушенька обретет, пройдя путь страданий и лишений, освободившись от злобы и отчаяния. Как полагает Д. Э. Томпсон, во время встречи с Грушенькой «впервые проявился духовный дар Алеши, а ее спасение, изгнание из нее бесов, стало первым совершенным им чудом [Томпсон, 2000, с. 119]. Р. Г. Назиров полагает, что в романе неслучайно в связи с Грушенькой упоминается Мария Египетская, которая была великой грешницей, но долгим страданием и молитвой снискала венец святости [Назиров, 1982, с. 46]. Но вот А. Б. Креницын справедливо замечает, что наряду с явной переключкой судьбы Дмитрия Карамазова с символической эпитафией и связанной с этим надеждой на очищение и воскресение героя, в роман вводится другая, негативная интерпретация евангельских строк. «Исходит она не только от Михаила, но и от Ивана. Устами Иванова двойника – черта – высказывается сомнение в истинности крестного пути» [Креницын, 2001, с. 353–354] Дмитрия, сомнение в возможности очищения от карамазовской скверны для героя. Можно добавить, что сомнение в спасении Дмитрия возникают и потому, что рядом с ним – **не Сонечка с ее всепрощающей** любовью к Раскольникову, с ее верой, милосердием и идеей спасения, а такая же страстная, грешная, горящая жаждой мести Грушенька.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бэлнеп, Роберт Л.** Структура «Братьев Карамазовых» / Роберт Л. Бэлнеп. – Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. – 144 с.
- Ветловская, В. Е.** Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / В. Е. Ветловская. – Санкт-Петербург: Изд-во «Пушкинский Дом», 2007. – 640 с.
- Криницын, А. Б.** Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф. М. Достоевского / А. Б. Криницын. – Москва: МАКС Пресс, 2001. – 372 с.
- Макаричева, Н. А.** Художественная гендерология в творческих исканиях Ф. М. Достоевского / Н. А. Макаричева. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2019. – 301 с.
- Назиров, Р. Г.** Творческие принципы Ф. М. Достоевского / Р. Г. Назиров. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1982. – 160 с.
- Тарасов, Б. Н.** Художественное завещание Достоевского / Б. Н. Тарасов // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т. А. Касаткиной; Ин-т мировой лит. Им. А. М. Горького РАН. – Москва: Наука, 2007. – 835 с.
- Томпсон, Д. Э.** «Братья Карамазовы и поэтика памяти» / Д. Э. Томпсон. – Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство Академический проект. – 2000. – 345 с.
- Щенников, Г. К.** Целостность Достоевского / Г. К. Щенников. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001. – 440 с.

REFERENCES

- Belnep, Robert L.** Struktura «Bratjev Karamazovykh» / Robert L. Belnep. – Sankt-Peterburg: Gumanitarnoye agentstvo «Akademicheskij projekt», 1997. – 144 s.
- Krinitsyn, A. B.** Ispoved podpolnogo cheloveka. K antropologii F. M. Dostoyevskogo / A. B. Krinitsyn. – Moskva: MAKS Press. 2001. – 372 s.
- Makaricheva, N. A.** Khudozhestvennaya genderologiya v tvorcheskikh iskaniiakh F. M. Dostoyevskogo / N. A. Makaricheva. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGEU, 2019. – 301 s.
- Nazirov, R. G.** Tvorcheskiye printsipy F. M. Dostoyevskogo / R. G. Nazirov. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1982. – 160 s.
- Shchennikov, G. K.** Tselostnost Dostoyevskogo / G. K. Shchennikov. – Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta, 2001. – 440 s.
- Tarasov, B. N.** Khudozhestvennoye zaveshchaniye Dostoyevskogo / B. N. Tarasov // Roman F. M. Dostoyevskogo «Bratia Karamazovy»: sovremennoye sostoyaniye izucheniya / pod red. T. A. Kasatkinoy; In-t mirovoy lit. Im. A. M. Gorkogo RAN. – Moskva: Nauka. 2007. – 835 s.
- Tompson, D. E.** «Bratia Karamazovy» i poetika pamyati / D. E. Tompson. – Sankt-Peterburg: Gumanitarnoye agentstvo Akademicheskij projekt. – 2000. – 345 s.
- Vetlovskaya, V. E.** Roman F. M. Dostoyevskogo «Bratia Karamazovy» / V. E. Vetlovskaya. – Sankt-Peterburg: Izd-vo «Pushkinskiy Dom». 2007. – 640 s.